

А.А. Турышев, Р.Р. Абдулганеев

ЭКСТРЕМИСТСКИЙ МОТИВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

EXTREMIST MOTIVE OF CRIME

Введение: статья посвящена уголовно-правовому анализу экстремистского мотива преступления на основе актуальных статистических данных и судебной практики.

Материалы и методы: основу исследования составляет диалектический метод, в качестве частных научных методов применялись сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы.

Результаты исследования: в статье рассматриваются уголовно-правовые особенности квалификации мотива при совершении преступления экстремистской направленности. Особое внимание уделено установлению экстремистского мотива исходя из отдельных характеристик преступного деяния.

Обсуждение и заключения: в статье обосновывается мнение, согласно которому экстремистский мотив представляет собой внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, выраженное в противопоставлении личных (групповых) интересов интересам части общества через совершение действий, направленных на потерпевшего в связи с обладанием им неотъемлемым (приобретенным) социальным свойством.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистский мотив, квалификация преступления, внутреннее побуждение лица

Для цитирования: Турышев А.А., Абдулганеев Р.Р. Экстремистский мотив преступления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2019. Т. 10. № 1. С. 103-109. DOI: 10.24420/KUI.2019.76.11.016

Introduction: the article is devoted to the criminal law analysis of extremist motive of crime on the basis of actual statistical data and judicial practice.

Materials and Methods: the basis of the research is the dialectical method, comparative legal, formal logical and statistical methods were used as private scientific methods.

Results: the article discusses criminal features of the qualification of a motive of extremist crimes. Special attention is paid to the establishment of extremist motive based on the individual characteristics of a criminal act.

Discussion and Conclusions: the article substantiates the opinion that the extremist motive is an intrinsic motivation of the person who committed the crime, expressed in opposition of the personal (group) interests to the interests of a part of society through the commission of actions aimed at a victim who possesses an integral (acquired) social property.

Key words: extremism, extremist motive, qualification of a crime, internal motivation of a person

For citation: Turyshev A.A. , Abdulganeev R.R. Extremist motive of crime // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2019. V.10, N 1. P. 103-109. DOI: 10.24420/KUI.2019.76.11.016

Введение

Крайности во взглядах и связанные с ними преступления, совершаемые по экстремистским мотивам, включают в себе стратегические риски для поступательного развития государства, качества жизни граждан и их безопасности. Процессы глобализации позволяют рассматривать экстремизм не только как угрозу отдельно взятому государству, но и в большей степени как транснациональное криминогенное явление, от эффективности противодействия которому во многом зависит будущее существующего государственного порядка.

При этом вопросы противодействия проявлениям экстремизма не теряют своей значимости для правоприменительной практики из-за увеличивающейся энтропии социальной системы и грубых нарушений социальной справедливости при государственном строительстве, а также динамики роста и особенностей распространения экстремизма в стране. Отметим, что современное состояние противодействия преступлениям экстремистской направленности в России соотносится с основными направлениями уголовно-правовой политики как основного инструментария поддержания конституционного порядка и противодействия преступности.

Обзор литературы

В отечественном уголовном праве к вопросу осмысления экстремистского мотива преступления с позиции разграничения содержания хулиганского и экстремистского мотива обращалась Е.В. Батюкова [1]; Ю.В. Вальтер [2] и А.Л. Иванов [3] рассматривали особенности квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву; О.Н. Коршунова [4] в рамках анализа теории и практики противодействия преступлениям экстремистского характера выделяла полимотивность такого рода преступлений; А.А. Кунашев [5] обращался к анализу отдельных вопросов квалификации насильственных преступлений, совершенных по экстремистским мотивам.

Сегодня можно констатировать, что в науке уголовного права сформировалось несколько крупных направлений, полярно характеризующих мотив преступлений экстремистской направленности и, соответственно, по-разному определяющих критерии, непосредственно влияющие на квалификацию содеянного.

Цель данной статьи – выработать для науки и практики четкие критерии экстремистских побуждений, подкрепив их необходимыми практическими примерами, а также определить контрольные маркеры наличия экстремистского мотива в преступном поведении.

Материалы и методы

Методическим инструментарием исследования выступили статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России (далее ГИАЦ МВД России) с 2003 по 2017 гг. о количественных и качественных показателях выявленных преступлений экстремистской направленности, а также данные о количестве и видах мотивов совершения преступлений экстремистской направленности с 2015 по 2017 гг. В ходе подготовки статьи было проанализировано 50 материалов судебной практики по делам о преступлениях экстремистской направленности с 2011 по 2018 гг.

Результаты исследования

В 2007 году в законодательстве Российской Федерации расширилось понятие экстремистских проявлений, когда в качестве квалифицирующего признака во многих составах было введено понятие экстремистского мотива¹. Проблематика противодействия экстремизму уголовно-правовыми средствами получила дальнейшее развитие, а статистика и судебная практика стали учитывать данные изменения законодательства.

Современные подходы к пониманию и освещению преступлений экстремистской направленности, сложившиеся как в теории, так и в практике уголовного права, зачастую фрагментарно отражают основные составляющие экстремистского мотива, формируя в широких слоях общества ложные представления о данном негативном социальном явлении, и не способствуют отражению имеющегося уровня общественной опасности. Сообщения о фактах экстремистских преступлений в средствах массовой информации и новостных агрегаторах в сети Интернет, как правило, носят напряженный эмоциональный фон и используются различными силами в политической аргументации, зачастую полностью игнорирующими уголовно-правовое содержание факта. Проведенный анализ ключевых научных направлений в сфере уголовного-правового противодействия экстремизму свидетельствует о многополярном подходе к проблеме определения мотива преступления экстремистской направленности. Зачастую исследователи по-разному характеризуют основополагающие вопросы определения объективных и субъективных критериев экстремистского мотива, а также функциональные подходы к правильному практическому его пониманию.

Роль уголовно-правовых механизмов в противодействии преступности трудно переоценить. Существующие барьеры уголовно-правового характера надежно обеспечивают защиту ключевых

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон РФ от 24.07.2007 № 211-ФЗ // Российская газета. 2007. 1 августа.

общественных отношений, формируя тем самым общую правовую систему государственной безопасности. При этом экстремизм, как и любое другое криминогенное явление, находится в динамике, направленной на совершенствование форм и методов ведения преступной деятельности, увеличение материальной базы, приискании новых участников, готовых воплотить в жизнь преступные цели экстремистской организации.

Несмотря на то что преступления экстремистской направленности за 16 лет показали рост в 13 раз (со 157 преступлений в 2003 г. до 1521 в 2017 г.)¹, в процентном выражении они составляют ничтожное значение. Так, в структуре преступности экстремистские преступления от общего количества зарегистрированных преступлений составляли от 0,0056 % в 2003 г. до 0,074 % в 2017 году. В период с января по ноябрь 2018 г. этот показатель составлял 0,067 %.

Столь малые статистические величины не могут оказать существенное влияние на криминальную обстановку в РФ и поступательное развитие государства, но заложенный в данных преступлениях негативный потенциал воздействия на ключевые сферы межнациональных и межконфессиональных отношений закладывает существенные риски в кризисные периоды для социальной системы (в периоды экономических кризисов, революций, войн и смут).

Отметим, что в соответствии с данными статистики с 2015 по 2017 гг. мотивы совершения преступлений экстремистской направленности распределились следующим образом. Наиболее распространенным мотивом явился мотив национальной ненависти или вражды – 2034 преступления; мотив расовой ненависти или вражды – 780; мотив религиозной ненависти или вражды – 621; мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – 406; мотив идеологической, политической ненависти или вражды – 271².

Важно заметить, что в ретроспективном аспекте экстремистские побуждения не находили отчетливого правового закрепления в рамках отечественного уголовного законодательства, а современное введение экстремистского мотива в рамках норм Особенной части УК РФ в большей степени носит превентивный характер, обусловленный популяризацией в национальном правовом пространстве американизированных форм романо-германской модели противодействия экстремизму и терроризму уголовно-правовыми средствами.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. с самого момента его принятия были включены экстремистские мотивы в следующих качествах: признак основного состава (ст. ст. 136, 282 УК РФ); квалифицирующий признак (ст. ст. 105, 111, 112, 117, 244 УК РФ), обстоятельство, отягчающее наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ). В настоящее время использование экстремистской мотивации в УК РФ значительно расширено. Так, экстремистский мотив представлен в качестве признака основного состава (явно указан в ст. ст. 116, 136, 213, 282, 357 УК РФ, подразумевается в ст. 148, 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ), в качестве признака квалифицированного состава (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, ч. 4 ст. 150, ч. 2 ст. 214, п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ), в качестве обстоятельства, отягчающего наказание (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ) [6].

Основными формами выражения экстремистского мотива в тексте УК РФ являются: явное указание на мотив «по мотивам политической ...» или через характеристику направленности действий («... в зависимости от пола...» ст. 136 УК РФ, «... по признакам пола ...» ст. 282 УК РФ, «... направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы ...» ст. 357 УК РФ). В ряде составов экстремистский мотив не указывается, но подразумевается. Так, в объективной стороне ряда преступлений такая привязка производится через введение в диспозицию экстремистской деятельности или экстремистских преступлений (ст. 280, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ).

Содержание мотивов политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также мотивов ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы не раскрывается ни в законе РФ «Об экстремизме»³, ни в постановлении Пленума Верховного Суда РФ⁴, ни в УК РФ. Можно сказать, что законодатель перекладывает на правоприменителя обязанность знать содержание экстремистского мотива, а значит, определять границы преступности и меру общественной опасности экстремистских проявлений.

Мы предлагаем устанавливать экстремистский мотив преступного деяния исходя из ряда характеристик, совокупность которых позволяет говорить о его неизменном наличии.

1. Содержательно экстремистский мотив означает противопоставление: я (мы) и части общества. Это означает, что виновный, являясь носителем определенных групповых ценностей, от

¹ Состояние преступности в России за 2003–2017 гг. URL: <https://мвд.рф/reports/> (дата обращения: 30.10.2018)

² Сайт ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». URL: <http://10.5.0.16> (дата обращения: 15.12.2018)

³ О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон РФ от 25.07.2002 № 114-ФЗ (в ред. от 23.11.2015 г.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (в ред. от 20.09.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

своего имени или от имени группы направляет действия на антагонистическую группу. Стремление реализуется в создании ситуации унижительного положения для представителя социальной группы по отличительному признаку в нарушение установленного общественного правила равенства возможностей, чем нарушается принцип социальной справедливости. К примеру, в приговоре Верховного суда Карачаево-Черкесской Республики¹ установлено, что подсудимый Б. создал экстремистское сообщество, а Э. и А. приняли участие в деятельности экстремистского сообщества и покушались на участие в незаконном вооруженном формировании. Так, Б., находясь по месту жительства, договорился со своим знакомым Э. о совместном объединении в религиозно-экстремистскую группу, так называемый «джамаат», созданию на ее основе не контролируемого государством вооруженного формирования, не предусмотренного федеральными законами РФ. Э., разделяя названные преступные цели, дал свое устное согласие на вхождение в группу и признал Б. «амиром», то есть руководителем группы. Основными целями и задачами созданного и руководимого Б. экстремистского сообщества являлись совершение преступлений экстремистской направленности: убийство лиц, не исповедующих радикальный ислам, сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, представителей органов власти; создание незаконного вооруженного формирования; приискание огнестрельного оружия и боеприпасов для совершения указанных преступлений.

Деятельность созданного и руководимого Б. преступного сообщества отличалась сплоченностью и приверженностью участников к радикальной религиозной идеологии.

2. Потерпевшим выступает неперсонифицированное лицо социальной группы. Такое физическое лицо должно обладать неотъемлемыми признаками, к которым следует относить качественные характеристики, определяющие внешний облик человека (раса, национальность, пол) или его личностные характеристики (политические и идеологические взгляды, религиозное мировоззрение, ключевые признаки характеризующие отношение к социальным группам). Неотъемлемость характеризует тот факт, что личность не может изменить данное свойство без ее качественного изменения. Нескольким не соответствует признаку неотъемлемости критерий принадлежности к социальной группе, который довольно часто носит временный и легко изменчивый характер. Все члены общества состоят во

множестве социальных групп, могут вступать в них и выходить. Социальная принадлежность, за исключением кастовых обществ, не является данной с рождения, представляя собой свободу выбора и развития, нежели предустановленную социальную характеристику. Кроме того, социальные группы могут изначально налагать на человека негативную окраску в связи с социальной ролью или сложившимися стереотипами: асоциальный образ жизни (лица с пониженной социальной ответственностью, лица, страдающие зависимостью, лица нетрадиционной сексуальной ориентации, лица без определенного места жительства и т.д.), возможность принуждения (сотрудники полиции, чиновники).

Для проверки наличия данного признака экстремизма можно воспользоваться методом исключения. Достаточно в механизме совершения преступления ментально заменить потерпевшего на лицо, не обладающее неотъемлемыми свойствами, и если результат останется тем же, то экстремистские мотивы совершения деяния исключаются.

Так, приговором Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода² установлено, что подсудимый С., будучи организатором и руководителем экстремистского сообщества «Wolf», целью которого являлось совершение преступлений в отношении лиц неславянской национальности по мотивам национальной ненависти, разделяя идеи экстремистской националистической направленности, в том числе о невозможности проживания и работы на территории г. Нижнего Новгорода лиц неславянской национальности, к которым испытывал неприязнь по отношению к представителям других национальностей, достоверно зная, что киоск по производству и продаже шаурмы, принадлежит лицу неславянской внешности, решил уничтожить данный киоск путем поджога.

Подсудимый С., реализуя свои преступные намерения, взял с собой канистры с зажигательной смесью и проследовал к киоску, действуя умышленно в составе экстремистского сообщества, по мотивам национальной ненависти к лицам неславянской внешности, осознавая общественную опасность своих преступных действий и желая причинить значительный материальный ущерб, подложил под киоск по производству и продаже шаурмы принесенные с собой канистры с зажигательной смесью, после чего поджег их спичкой и, убедившись, что зажигательная смесь вспыхнула, с места преступления скрылся. В результате умышленные преступные действия подсудимого С. в совокупности привели к полному уничтожению киоска.

¹ Архив Верховного Суда Карачаево-Черкесской Республики. 2015. – Д. 2–18/2014. URL: <http://http://sudact.ru/regular/doc/SAk1NL0uVzgI> (дата обращения: 10.12.2018).

² Архив Автозаводского районного суда г. Нижнего Новгорода. 2015. Д. 1–513/2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/kX85Uv0JyHru> (дата обращения: 10.12.2018).

3. Основание действий: не за поведение потерпевшего, а за принадлежность к группе. В данном случае важна внутренняя направленность совершаемых действий, поскольку они обусловлены сложившимися представлениями о той или иной социальной группе. Общественная опасность экстремистских проявлений заключается в обобщенности, когда на конкретное лицо налагаются все качества (как правило, негативные) представителей этой группы. Такой процесс стереотипизации (шаблонизации) мышления характеризуется переносом акцента с действий потерпевшего на принадлежность к группе (обладание неотъемлемым признаком). Изначально у виновного есть установка, что группа носит негативный характер, при этом неважно, обладает ли потерпевший этой негативной характеристикой на самом деле или нет, она презюмируется. В то же время, когда основанием ответных действий выступают аморальные или преступные действия лица, обладающего неотъемлемым признаком, признавать наличие экстремистского мотива в этих действиях нельзя.

Приговором Первомайского районного суда г. Ижевска¹ установлено, что подсудимый В., являясь членом движения «Антифа», находясь в состоянии алкогольного опьянения, в помещении ТЦ «Адмирал» встретил Ф., придерживающегося неонацистских взглядов. Между подсудимыми В. и Ф. на почве идеологической вражды произошел конфликт. В ходе конфликта у подсудимого В. возник преступный умысел, направленный на причинение тяжкого вреда здоровью Ф., опасного для жизни человека.

Реализуя свой преступный умысел, подсудимый В., находясь в помещении ТЦ «Адмирал», действуя умышленно, в ходе возникшего конфликта на почве идеологической вражды, используя складной нож в качестве оружия, с целью причинения физической боли и тяжкого вреда здоровью с силой нанес четыре удара клинком ножа Ф. в область груди и обеих рук. Причинив Ф. ножевые ранения, подсудимый В. свои преступные действия прекратил и с места совершения преступления скрылся.

4. Внешне совершается без повода или по незначительному поводу с элементами публичности (опционально). Экстремистские проявления изначально «безосновательны», поэтому для осуществления агрессии виновному требуется минимальный повод для действий.

Публичный характер проявляется в том, что совершается в местах общественного пользования, к которым относятся места значительного скопле-

ния граждан (площади, парки, улицы, стадионы, транспорт и т.д.) и места нахождения и свободного доступа неопределенного круга лиц (аэропорты, вокзалы, остановки, торговые центры, подъезды, пешеходные переходы и т.д.). Вторым проявлением публичности следует понимать использование для совершения преступления существующие структуры общего пользования государственных органов, коммерческих или общественных организаций.

Приговором Нижегородского областного суда² установлено, что подсудимые Б. и С., находясь на территории автостанции «Канавинская», увидели в торговом помещении, расположенном на территории указанной автостанции, ранее незнакомого им гражданина Республики Узбекистан. Подсудимые Б. и С., определив по внешним признакам, что он является лицом нерусской национальности, руководствуясь национальной ненавистью к указанным лицам, вступили в преступный сговор, направленный на его убийство.

В результате умышленных совместных преступных действий подсудимых Б. и С. погибшему были причинены телесные повреждения, повлекшие причинение тяжкого вреда здоровью по признаку опасности для жизни, приведшего к развитию острой кровопотери и дальнейшей смерти.

Мотив занимает особое место при квалификации преступлений экстремистской направленности. В теории уголовного права при характеристике экстремистского мотива сложились различные походы. Так, по мнению Е.В. Батюковой, криминогенная мотивация в преступлениях экстремистской направленности представляет совокупность осознанных или неосознанных потребностей (чаще всего в самоутверждении), примитивных и гипертрофированных интересов и ценностных ориентаций, во имя которых действует лицо [1]. Ю.В. Вальтер считает, что при характеристике экстремистского мотива необходимо исходить из принципов психологической науки, в соответствии с которыми различают мотивы главные, основные, решающим образом воздействующие на волю, и мотивы второстепенные, неглавные, как бы подталкивающие к выполнению уже готового намерения либо с ними конкурирующие [2]. О.Н. Коршунова выделяет три вида мотивов: целевые, ориентирующие и технические, побуждающих конкретное поведение субъекта [4].

Здесь мы придерживаемся положения, что преступление имеет только один основополагающий мотив. Особую сложность на практике составляют ситуации мультимотивности преступного поведения, когда следует из двух мотивов выбрать определяющий.

¹ Архив Первомайского районного суда г. Ижевска Удмуртской Республики. 2014. 1–168/2014 – 2015. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/NfaDGCdNEsHC> (дата обращения: 10.12.2018).

² Архив Нижегородского областного суда. 2011. Д. 2–44/2011. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/aBlal8wKw3bm> (дата обращения: 10.12.2018).

На позиции о главенствующей роли только одного мотива в совершенном преступлении стоит Пленум Верховного Суда РФ. Так, квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по экстремистским мотивам, исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления (например, из хулиганских побуждений)¹. Хулиганский мотив предполагает неперсонифицированность потерпевшего, которым может выступать любой член общества как носитель общественных ценностей. Экстремистский мотив, напротив, предполагает потерпевшего из определенной социальной группы, что сужает внимание виновного со всего общества до его части. Таким образом, хулиганский и экстремистский мотивы находятся в непримиримом противоречии и не могут одновременно присутствовать в преступном поведении. С содержательной стороны виновный не может одновременно не любить все общество и отдельную его часть.

С другой стороны, преступления, совершенные по экстремистским мотивам, следует ограничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений. Постановление Пленума Верховного Суда РФ указывает, что для правильного установления мотива преступления следует учитывать длительность межличностных отношений подсудимого с потерпевшим, наличие с ним конфликтов, не связанных с национальными, религиозными, идеологическими, политическими взглядами, принадлежностью к той или иной расе, социальной группе². Экстремистский и мотив личных неприязненных отношений также являются взаимоисключающими, поскольку первый предполагает неперсонифицированного потерпевшего определенной социальной группы, а для второго мотива важна конкретная личность потерпевшего и предыдущий контекст отношений. Отграничение экстремистских побуждений от личных неприязненных побуждений заключается в различной направленности: экстремистский мотив – на неперсонифицированного потерпевшего, обладающего неотъемлемым признаком, а личные неприязненные побуждения – на конкретного потерпевшего. На практике наибольшую сложность вызывают ситуации, когда развитие личных неприязненных отношений приобретают экстремистские формы (оскорбление по религиозному, национальному, политическому признаку). Такое стремление виновного при развитии личного кон-

фликта сильнее уколоть самолюбие потерпевшего через акцент на неотъемлемых признаках не должно учитываться при квалификации, поскольку подавляющим мотивом является личная неприязнь. Также экстремистский мотив исключается, когда действия виновного совершаются из-за противоправных или аморальных действий потерпевшего.

Так, приговором Железнодорожного районного суда г. Новосибирска³ установлено, что подсудимый Ш. спускался по ул. Челюскинцев от цирка и зашел в круглосуточный магазин, чтобы купить сигарет, но нужной ему марки не было. На улице около магазина подсудимый Ш. встретил ранее ему не знакомого потерпевшего М., попросил угостить сигаретой, потерпевший М. дал ему сигарету. Но друг потерпевшего М. сказал ему: «Иди сам себе купи, чурка», после чего ударил подсудимого Ш. ладонью по спине, потерпевший М. тоже ударил его, так как заступился за друга. Подсудимый Ш. ударил потерпевшего М. в ответ, после чего последний упал. Друг потерпевшего М. убежал. Подсудимый Ш. ударил потерпевшего М. еще два раза, тот не шевелился. Подсудимый Ш. пошел и купил в магазине воду и облил потерпевшего М., тот пришел в себя, держался за голову и сказал, что больше так не будет делать. Затем подсудимый Ш. начал спускаться вниз по улице, где его и задержали сотрудники полиции.

Обсуждение и заключения

Экстремистские побуждения по объему занимают промежуточное положение между личными неприязненными и хулиганскими побуждениями и подразумевают направленность: личность – социальная группа – общество.

Указанные мотивы взаимоисключают друг друга и не могут учитываться в преступном поведении. Алгоритм квалификации преступлений экстремистской направленности должен устанавливать один центральный мотив, руководящий преступным поведением виновного, и достичь этого возможно через прохождение следующих этапов: 1. Проверить и исключить мотив личных неприязненных отношений. 2. Проверить и исключить хулиганский мотив. 3. Установить наличие экстремистского мотива.

Таким образом, экстремистский мотив – внутреннее побуждение лица, совершившего преступление, выраженное в противопоставлении личных (групповых) интересов интересам части общества через совершение действий, направленных на потерпевшего в связи с обладанием им неотъемлемым (приобретенным) социальным свойством

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (в ред. от 20.09.2018) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 8.

² Там же.

³ Архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска. 2018. – Д. 1–74/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/TodGSXhCXA14> (дата обращения: 16.12.2018).

(пола, расы, национальности, идеологических, политических, религиозных атрибутов и т.д.).

Экстремистский мотив характеризуется следующими признаками: 1. Психологически происходит противопоставление: я (мы) и части общества. 2. По-

терпевшим выступает неперсонифицированное лицо социальной группы. 3. Основанием действий является принадлежность к социальной группе. 4. Внешне совершается без повода или по незначительному поводу с элементами публичности (опционально).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Батюкова Е.В. Некоторые проблемы определения содержания хулиганского и экстремистского мотива // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 3. С. 106-110.
2. Вальтер Ю.В. Убийство, совершенное по экстремистскому мотиву // Science Time. 2015. № 11. С.114-118.
3. Иванов А.Л. Вопросы квалификации убийства, совершенного по экстремистскому мотиву (п. «д») ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 41-46.
4. Коршунова О.Н. Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб., 2006. 325 с.
5. Кунашев А.А. Некоторые вопросы квалификации насильственных преступлений, совершенных по экстремистским мотивам // Уголовное право. 2014. № 5. С. 66-68.
6. Турышев А.А. Мотив преступления: законодательное представление // Правовые технологии. 2018. № 1. URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/17759> (дата обращения: 30.12.2018 г.).

REFERENCES

1. Batyukova E.V. Nekotorye problemy opredeleniya sodержaniya huliganskogo i ehkstremit'skogo motiva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 106-110.
2. Val'ter YU.V. Ubijstvo, sovershennoe po ehkstremit'skomu motivu // Science Time. 2015. № 11. S.114-118.
3. Ivanov A.L. Voprosy kvalifikacii ubijstva, sovershennogo po ehkstremit'skomu motivu (p. «d») ch. 2 st. 105 UK RF) // Ugolovnoe pravo. 2015. № 3. S. 41- 46.
4. Korshunova O.N. Prestupleniya ehkstremit'skogo haraktera: teoriya i praktika protivodejstviya. SPb., 2006. 325 s.
5. Kunashev A.A. Nekotorye voprosy kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij, sovershennyh po ehkstremit'skim motivam // Ugolovnoe pravo. 2014. № 5. S. 66 – 68.
6. Turyshev A.A. Motiv prestupleniya: zakonodatel'noe predstavlenie // Pravovye tekhnologii. 2018. № 1. URL: <http://www.lawtech.ru/journal/articles/17759> (data obrashcheniya: 30.12.2018 g.).

Об авторах: Турышев Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Омской академии МВД России

e-mail: lawtech15@mail.ru

Абдулганеев Ренат Рафаилович, кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отделения Казанского юридического института МВД России

e-mail: niirio@inbox.ru

© Турышев А.А., 2019.

© Абдулганеев Р.Р., 2019.

Статья получена: 10.01.2019. Статья принята к публикации: 20.03.2019.

Статья опубликована онлайн: 25.03.2019.

About the authors: Turyshev Alexander A., Candidate of Law Sciences, Associate Professor of Criminal Law Department of Omsk Academy of MIA of Russia

e-mail: lawtech15@mail.ru

Abdulganeev Renat R., Candidate of Law Sciences, Head of Research Department of Kazan Law Institute of the Ministry of MIA of Russia

e-mail: niirio@inbox.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Заявленный вклад авторов

Турышев Александр Александрович – разработка концептуальных подходов исследования; формирование выводов и практических рекомендаций; подготовка первоначального варианта текста.

Абдулганеев Ренат Рафаилович – анализ научной литературы по проблеме исследования; сбор, анализ эмпирических данных, судебной практики и их обобщение; доработка текста исследования.